ФАНТАСТИКА

БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

ОЛЕГ ПЕТ

Руны «Кормчего»

Олег Пет

Руны "Кормчего"

«Автор»
2026

Пет О.

Руны "Кормчего" / О. Пет — «Автор», 2026

В далёком будущем человечество забыло собственное прошлое. Оно живёт на осколках цивилизации, молится по привычке и не задаёт вопросов. Доктор Крафт и доктор Ева Вайт — учёные, которые ищут следы довоенного мира. Они находят в космосе семь кристаллов, покрытых странными символами. Кристаллы реагируют на них двоих. На контакт. На что-то, что сильнее протокола.Руны ведут их в Бермудский треугольник, на дно океана, в подводную пирамиду, где хранится библиотека, которой не должно существовать. Там, в зале с тысячами светящихся кристаллов, они находят книгу. Кристаллическую. Тёплую. Живую...

© Пет О., 2026
© Автор, 2026

Олег Пет
Руны "Кормчего"

РУНЫ КОРМЧЕГО

Фантастический роман

ПРОЛОГ

Космос пах не пылью и не холодом. Он пах озоном и горячим металлом — запах перегретой электроники и сгоревшей изоляции.

«Гелиос-7» корабль для исследования дальнего космоса был старым. Не по годам — по усталости. Металл у него был как кожа человека, который слишком долго не спал: серый, тонкий, с пятнами. Крафт знал каждый скрип этой обшивки. Он слышал их даже во сне — если ему снился сон. Чаще не снился.

Земля внизу была большой и молчаливой. Когда-то она горела. Потом замёрзла. Потом снова оттаяла — но не вся.

С тех пор как небо перестало гореть, прошло две тысячи лет. Люди успели забыть, что оно горело. Остались только слова: Катастрофа, зима, Ковчег. Слова были старыми, и никто уже не помнил, что они значили. В бумагах год писали просто: 4000-й. Счёт вели от чего-то, чего никто не видел.

Люди жили на побережьях, в куполах, под водой. В космос летали редко. Про первых они знали только, что те пришли из сада и что сад теперь закрыт.

Были среди них и такие, как Крафт. Те, кому нечего было терять на твёрдой земле.

Вайт говорила, что это неправда. Что у него есть что терять. Он не спорил. Но и не соглашался.

Станция получала деньги от трёх корпораций и одного фонда, название которого никто не мог выговорить. Фонд платил за «поиск следов довоенных цивилизаций». Корпорации — за всё остальное. Крафт не спрашивал, что именно они ищут. Он просто делал свою работу.

Он давно перестал удивляться этому парадоксу: в вакууме нет воздуха, но запах есть. Его создаёт обшивка «Гелиоса-7», раскалённая солнечными батареями, и фильтры жизнеобеспечения, которые никогда не справлялись с этой иллюзией.

Крафт стоял у смотрового окна, когда Вайт вошла в модуль.

— Ещё раз, — сказала она, не здороваясь. — Ты уверен, что это не обломки кометы?

Он не обернулся. За окном медленно вращался пояс астероидов — серые глыбы, изредка вспыхивающие голубым от далёкого Солнца.

— У комет не бывает симметрии, — ответил Крафт. — И они не передают сигналы.

— Тогда что это?

— Это то, что мы искали.

Он наконец повернулся. Доктор Эва Вайт стояла в дверях, скрестив руки на груди, и смотрела на него с той смесью раздражения и восхищения, которая за год совместной работы стала их личным языком. Она была на полголовы ниже, с коротко стриженными тёмными волосами и глазами, которые всегда казались чуть ярче, чем позволяло освещение. Крафт знал её манеру: сначала сомневаться, потом проверять, потом признавать. Он ждал третьего этапа.

— Мы получили данные с дрона, — сказала Вайт, подходя к консоли. — Объект действительно не минеральный. Кристаллическая структура, но с периодически меняющейся решёткой. И ещё вот это.

Она вывела на экран спектрограмму. Крафт шагнул ближе, и их плечи почти соприкоснулись. Это было привычное, почти автоматическое движение — они всегда работали слишком близко. Ни один из них не отодвигался.

— Частотная модуляция, — сказал Крафт. — Это не сигнал. Это...

— Код, — закончила Вайт. — Медленный, но код. Как будто кто-то передаёт данные на скорости, которая почти неотличима от фона.

— Или как будто что-то пытается говорить с нами на языке, который мы ещё не знаем.

Они переглянулись. В этом взгляде было всё, что они не говорили вслух: год споров, бессонных ночей над расшифровками, случайных касаний рук над клавиатурой, и то, как Крафт однажды задержался в лаборатории на два часа, потому что Вайт забыла перчатки, а он не хотел уходить, пока она не вернётся. Вайт знала это. Крафт знал, что она знает. И оба молчали.

— Ладно, — сказала Вайт, отступая на шаг. — Показывай.

Кристаллы лежали в контейнере с инертной средой. Их было семь. Каждый — размером с ладонь, огранённый, как драгоценный камень, но с гранями, которые не подчинялись геометрии. Углы не сходились. Линии ветвились и обрывались. Если долго смотреть, начинало казаться, что они движутся — медленно, как ледник.

Крафт надел перчатку и взял один кристалл. Он был тёплым. Не от контейнера — от себя. Словно внутри работал крошечный реактор.

— Руны, — сказал он тихо. — Я видел наподобие фото в архивах. Это похоже на фрагменты распределённого ядра.

— Ядра чего?

— Всемирного Разума. Того, который когда-то управлял всем. Война, потом зима, потом эвакуация на Марс. Официально — это конечно миф. Но вот они. Здесь.

Вайт подошла и встала рядом. Её дыхание участилось.

— Крафт, — сказала она, — ты понимаешь, что это значит? Если это действительно осколки ядра, то они могут содержать...

— Данные. Память. Код.

— Или инструкции.

Он кивнул. Кристалл в его руке мигнул — короткая вспышка, как будто внутри загорелась и погасла звезда. На грани проступил символ. Всего на мгновение. Крафт успел его увидеть.

— Ты это видела? — спросил он.

— Что именно?

— Символ. Похоже на... стрелку. Или указатель.

Вайт склонилась над кристаллом. Её плечо коснулось его руки. Она не отстранилась.

— Ничего не вижу, — сказала она. — Но, если он реагирует на тебя, значит, есть связь. Может, он считывает твои мысли.

— Или моё присутствие.

— Твоё присутствие?

Крафт замолчал. Он не хотел говорить то, что вертелось на языке. Что кристалл теплел сильнее, когда Вайт была рядом. Что вчера, когда она ушла в свой модуль, руны потускнели. Он списал это на усталость. Но теперь, когда она стояла так близко, кристалл снова мигнул.

— Давай проверим гипотезу, — сказал он вместо этого. — Возьми другой.

Вайт взяла второй кристалл. Он остался холодным.

— Не реагирует, — сказала она.

— Подожди.

Крафт переложил свой кристалл в левую руку и коснулся правой руки Вайт. Кристалл в её ладони вспыхнул. Ярко, на секунду — и погас. Вайт вздрогнула.

— Что это было? — прошептала она.

— Резонанс. Он реагирует на нас двоих. Не на каждого по отдельности. На контакт.

Они стояли, не двигаясь. Рука Крафта всё ещё лежала на её руке. Вайт не отнимала. В модуле было тихо, только гудел воздухоочиститель и где-то далеко, в другом отсеке, дронтехник заканчивал обход.

— Крафт, — сказала Вайт, и её голос звучал иначе, чем обычно. — Скажи, что это значит.

— Я не знаю.

— Скажи, что ты думаешь.

Он посмотрел на неё. В её глазах было не только любопытство. Там было что-то ещё — страх, и надежда, и то самое невысказанное, что висело между ними год.

— Я думаю, — медленно сказал он, — что это не просто осколки. Это ключи. И они хотят, чтобы мы их собрали.

— Ключи к чему?

Кристалл в его руке снова мигнул. На этот раз символ появился дольше — стрелка, указывающая вниз и вправо. Крафт нахмурился.

— Не вниз, — сказал он. — В сторону.

— В какую сторону?

Он поднял кристалл к свету. Символ повернулся. Стрелка указывала на экран с картой.

Вайт бросилась к консоли. Через минуту на экране появилась карта Земли, покрытая сеткой координат. Одна точка пульсировала красным.

— Бермудский треугольник, — сказала Вайт. — Координаты совпадают с аномальной зоной. Сбои навигации и странные сигналы там фиксируют столько, сколько существуют приборы. И столько, сколько существуют легенды об инопланетном. Никто не знает, что было раньше.

Крафт подошёл и встал рядом. Кристалл в его руке стал горячим.

— Они хотят, чтобы мы туда отправились, — сказал он.

— Кто «они»?

— Осколки. Или то, что от них осталось.

Вайт откинулась на спинку кресла и посмотрела на него снизу вверх. В её взгляде была та самая решимость, которую он знал.

— Тогда летим, — сказала она.

— Это может быть опасно.

— А что в нашей работе не опасно?

Крафт хотел ответить что-то рациональное. Что нужно собрать данные, провести анализ, подготовить оборудование. Но вместо этого он сказал:

— Я рад, что ты со мной.

Вайт улыбнулась — редко, коротко, но искренне.

— Я тоже, — сказала она. — Только не говори, что это было в коде.

— Не скажу.

Он положил кристалл обратно в контейнер. Руны вспыхнули все разом — семь коротких сигналов, как будто что-то подтвердили. И погасли.

За окном медленно проплыл астероид. Где-то далеко, в Бермудском треугольнике, ждала разгадка. Возможно, уже скоро им предстоит ее разгадать

Крафт закрыл контейнер.

— Готовь экспедицию, доктор Вайт, — сказал он.

— Уже, доктор Крафт, — ответила она. — Уже.

Спуск на Землю занял девятнадцать дней.

Крафт потом не мог вспомнить их по отдельности. Помнил только вес. Как тело постепенно вспоминает, что такое тяжесть. Земное притяжение. Как кровь сначала уходит в ноги, а потом возвращается. Как дышать становится труднее и проще одновременно.

Земля снизу была не той, что в учебниках. В учебниках она была шаром. Здесь она была стеной. Серой, мокрой, равнодушной. Облака шли по ней медленно, как будто им тоже некуда было спешить.

На Земле их встретили в порту.

Порт был маленький — три причала, кран, который работал наполовину, и запах, который Крафт не смог назвать сразу. Потом понял: соль и мазут. Так пахнет место, где люди живут у воды слишком долго.

— Доктор Крафт? — человек на причале не протянул руку. Он просто стоял и смотрел, как сходни опускаются на бетон. — Ланге. Начальник экспедиции. Судно готово. Выходим на рассвете.

Он был сухой, коротко стриженный, с лицом человека, который давно разучился удивляться. В пальцах — незажжённая сигарета. Он держал её так, как держат инструмент, а не привычку.

— А батискаф? — спросила Вайт.

— На борту. «Медуза-4». Перед спуском его проверят ещё раз. Я не люблю сюрпризов на глубине.

Он повернулся и пошёл, не проверяя, идут ли за ним.

«Тритон» стоял у второго причала. Небольшой, серый, честный. Краска на борту была свежей только у ватерлинии — как будто судно красили снизу вверх и бросили на середине.

На палубе их ждали.

Крафт запомнил не лица — позы. Люди, которые долго работают вместе, стоят иначе. Они не ищут друг друга глазами. Они уже знают, где кто.

Первый высокий с черными глазами и внимательным взглядов еще раз представился

— Ланге — начальник экспедиции

— Хорошо — сухо ответил Крафт

— С капитаном познакомитесь похоже он на погрузке— по деловому продолжил Ланге.

— Берг, — сказал мужчина, тот, что был старше всех. Руки у него были как у каменотёса: широкие, с белыми трещинами шрамов. — Геолог. Я первым скажу, что все дело в метане. Хотя может быть все обстоит иначе. Все может быть.

— Петров, — сказал человек с наушниками на шее. — Радио. Если оно передаёт — я услышу. Если не передаёт — я всё равно услышу. Я на связи постоянно.

— Виктор, — сказал молодой, с нервными пальцами. Он крутил в руках колпачок ручки. — Физика. Магнитные поля, поля, всё, что нельзя потрогать.

— Песков, — сказал бородатый. — Историк. Станислав Степанович. Можно просто Песков, я уже привык.

— Ким, — сказал последний. Тихо. — Судовой врач.

Он не добавил ничего. И это было правильнее, чем если бы добавил.

Крафт посмотрел на Вайт. Она кивнула коротко, почти незаметно. Они поняли друг друга без слов: теперь их стало больше. Небольшая горстка людей, которые ещё не знали, что внизу их уже ждут.

Позже, уже на борту, когда судно отошло, Вайт спросила:

— Ты заметил, что никто из них не спросил про кристалл?

— Заметил.

— Почему?

Крафт посмотрел на воду. Она шла у борта ровно и ничего не обещала.

— Потому что им уже сказали. А они уже поверили. Это хуже, чем если бы не поверили.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. БИБЛИОТЕКА

Совещание

Кают-компания научно-исследовательского судна «Тритон» была маленькой, и это было хорошо. В маленькой комнате легче молчать. За иллюминатором стояла ночь, и океан дышал так ровно, что казался равнодушным. На столе остывал кофе в жестяных кружках, и кто-то забыл пепельницу, и пепел сыпался на карту.

Карта лежала в центре стола. На ней был треугольник, обведённый красным карандашом. Красный цвет был единственным ярким пятном в комнате, и от этого казался неприличным.

Совещание началось в двадцать один ноль-ноль. К двадцати двум никто не сказал ничего, во что верил бы до конца.

— Итак, — сказал начальник экспедиции Ланге. Он не курил, но держал в пальцах незажжённую сигарету, как будто она помогала ему думать. — Коллеги. Мы здесь не для того, чтобы спорить. Мы здесь для того, чтобы предположить. Предполагать можно всё. Ошибаться можно тоже. Только не молчать.

Он положил сигарету на стол. Она осталась лежать, белая и тонкая, как чья-то несбывшаяся мысль.

В углу у иллюминатора сидел капитан Кент. Невысокий средних лет человек с уже плохо скрывающимися признаками седины. Он не участвовал в совещании и не считал нужным это скрывать. Перед ним стоял стакан с чаем, который время от времени от отхлебывал.

Первым заговорил геолог. Его звали Берг, и он был старше всех. У него были руки, которые помнили больше камней, чем людей.

— Метан, — сказал он. — Гидраты. На дне есть залежи. Давление меняется, газ выходит, вода вскипает. Плотность падает. Тут любой корабль тонет не потому, что его тянет вниз, а потому, что вода перестаёт его держать. Это просто. Это скучно. Но это возможно. Бермуды — это просто аномалия Земли. И ничего там нет. Да и быть не может.

— А самолёты? — спросил член экипажа, судовой врач Ким.

— Самолёты падают здесь по другим причинам, — сказал Берг. — Но и они падают. Все падают. Рано или поздно. Вопрос только в том, где. Здесь просто аномальная зона. Магнитные поля. Если хотите.

Он замолчал и посмотрел на карту. Красный треугольник молчал.

Вторым заговорил физик Виктор. Молодой, с нервными пальцами, которые постоянно что-то крутили — скрепку, колпачок ручки, край салфетки.

— Магнитная аномалия, — сказал он. — Здесь компас врёт. Не сильно, но врёт. Пилоты доверяют приборам. Приборы врут. Пилоты не понимают, что они уже не там, где думают. Это не мистика. Это ловушка. Очень старая ловушка.

— А если компас не врёт? — спросила Вайт.

Она сидела в углу, и её лицо было в тени. Крафт сидел рядом и не смотрел на неё. Он смотрел на карту.

Виктор не ответил сразу. Он повернул колпачок ручки, потом отложил её, потом снова взял.

— Тогда врёт что-то другое, — сказал физик. — Что-то, что мы ещё не измеряли.

— А если мы не измеряли, потому что нечем? — сказал Крафт.

Физик посмотрел на него. Потом на карту. Потом снова на него.

— Тогда мы не узнаем, — сказал он. — Никогда.

Третьим заговорил историк. Профессор Станислав Степанович Песков. У него была борода, которая росла не для красоты, а потому что он забывал бриться. Он говорил медленно, как будто каждое слово нужно было сначала взвесить.

— Люди пропадают здесь не потому, что здесь что-то есть, — сказал он. — А потому, что здесь всегда было слишком много людей. Это перекрёсток. Все через него ходят. Все через него летают. И когда человек идёт по перекрёстку, он иногда попадает под машину. Это не проклятие. Это обычная статистика.

— А легенды? — спросила Вайт.

— Легенды — это то, что остаётся, когда статистика никого не утешает, — сказал историк. — Люди не хотят верить в случайность. Они хотят верить в смысл. Даже если этот смысл — злой.

Он посмотрел на карту и добавил тише:

— Особенно если этот смысл — злой.

Песков замолчал и стал разглаживать бороду, как будто это была бумага, которую он собирался сдать в архив.

Начальник экспедиции взял сигарету и наконец зажёг её. Дым поплыл к иллюминатору и остался там, как будто не хотел выходить наружу.

— Ещё есть мнения? — спросил он.

Крафт поднял голову.

— Есть, — сказал он.

Все посмотрели на него. Он не любил, когда на него смотрели, но сейчас это было неважно.

— Я не знаю, что там, — сказал он. — Но я знаю, что мы нашли в космосе. И это не метан. И не магнитная аномалия. И не статистика.

— Что же это? — спросил Берг.

Крафт положил на стол кристалл. Он был маленький, размером с ладонь, и в свете лампы казался просто камнем. Но когда Вайт подвинулась ближе, он мигнул — коротко, как будто внутри что-то проснулось.

Все замолчали.

— Он реагирует на нас, — сказал Крафт. — На нас двоих. На контакт. Я не знаю, что это значит. Но я знаю, что он не случайный. И он указывает сюда.

Он коснулся пальцем красного треугольника на карте.

— Мы можем спорить о метане и магнитных полях, — сказал он. — Но кристалл не спорит. Он просто светится. И он ведёт нас вниз.

Начальник экспедиции долго смотрел на кристалл. Потом на Крафта. Потом на Вайт.

— Вы понимаете, что это может быть ловушка? «Там может быть все что угодно!» — спросил он.

— Понимаем.

— И всё равно пойдёте?

Крафт посмотрел на Вайт. Она не отвела взгляда. В её глазах не было страха — только что-то, что было сильнее страха.

— Пойдём, — сказала она.

Начальник экспедиции затушил сигарету. Она была ещё почти целой. Он сломал её пополам и положил в пепельницу.

— Тогда готовьте батискаф, — сказал он. — И не говорите потом, что я вас не отговаривал.

Совещание закончилось в двадцать три сорок. Люди выходили из кают-компании по одному, и каждый уносил с собой свою версию — метан, магнитные поля, статистику. Никто не уносил правду, потому что правды ещё никто не знал.

Крафт вышел последним. Вайт ждала его у трапа. Ночь была тёплой, и звёзды над океаном казались ближе, чем обычно.

— Ты не сказал им главного, — сказала она.

— Знаю.

— Почему?

Крафт посмотрел на небо. Где-то там, за облаками, был космос. Где-то там были руны. Где-то там был Разум, который ждал.

— Потому что они не поверят, — сказал он. — Пока не увидят.

— А если увидят и не поверят?

— Тогда мы покажем им ещё раз.

Вайт улыбнулась. Тихо, почти незаметно.

— Ты упрямый, — сказала она.

— Я знаю.

Они пошли к батискафу. Горстка людей: еще не знающих ничего, но уже готовых выступить против огромной стихии. Океан дышал ровно и ничего не обещал.

Океан не любит, когда в него спускаются.

Крафт знал это по опыту — не своему, а чужому. Каждый отчёт о глубоководных экспедициях, который он читал, содержал одну и ту же фразу: «море не предназначено для людей». Это была не поэзия, а констатация. Давление, температура, отсутствие света — всё говорило о том, что человек здесь гость, и гость нежеланный.

Батискаф «Медуза-4» погружался уже сорок минут. За иллюминатором — чернота, разбавленная лишь редкими вспышками биолюминесценции. Вайт сидела напротив, пристёгнутая к креслу, и не отрывала взгляда от приборной панели. Её пальцы летали по сенсорному экрану, фиксируя каждый параметр.

— Глубина три тысячи двести, — сказала она ровным голосом. — Давление растёт. Температура воды плюс четыре. Внешний фон... странный.

— Насколько странный?

— Настолько, что я не могу его классифицировать. Не радиация. Не электромагнитное поле. Что-то третье.

Крафт посмотрел на кристалл, закреплённый в специальном держателе на его запястье. Руна светилась ровным голубым светом — впервые с момента выхода на орбиту. В космосе она вспыхивала. Здесь, под водой, горела постоянно.

— Он реагирует на глубину, — сказал Крафт. — Или на то, что внизу.

— Или на нас, — добавила Вайт, не поднимая глаз.

Он хотел ответить, но не стал. Она была права. Кристалл всегда теплел, когда они были рядом. Это было неудобно признавать, но факт оставался фактом.

Внизу что-то блеснуло.

Не биолюминесценция. Не отражение прожектора. Что-то металлическое, гладкое, слишком правильное для случайного обломка. Крафт наклонился к иллюминатору.

— Вайт.

— Вижу.

Батискаф опускался медленно, и из темноты проступала структура. Сначала — контур. Потом — детали. Это был не затонувший корабль. Не обломки самолёта. Это была...

— Пирамида, — прошептала Вайт.

Крафт молчал. Пирамида. Четырёхгранная, с гладкими рёбрами, уходящая основанием в бездну. Её грани были покрыты символами — теми же, что на рунах. Они пульсировали в такт с кристаллом на его запястье. Медленно. Как дыхание.

— Это она, — сказал он. —

— Крафт, это невозможно. Ни одна известная цивилизация не строила...

— Ни одна известная, — согласился он. — А мы имеем дело с тем, что официально считается мифом.

Батискаф завис над вершиной пирамиды. В ней зиял проход — тёмный, но с ровными краями, слишком геометрически правильными, чтобы быть естественным образованием. Внутри что-то мерцало. Голубое. Ровное.

— Там свет, — сказала Вайт.

— Это не свет. Это сигнал.

Он расстегнул крепление и потянулся к контейнеру с рунами. Остальные шесть кристаллов лежали в инертной среде, но стоило ему открыть крышку, как они все вспыхнули одновременно — синхронно с тем, что был на запястье.

— Они хотят, чтобы мы вошли, — сказал Крафт.

— Или заманивают.

— Вайт, — он повернулся к ней. — Если ты хочешь остаться...

— Даже не начинай.

Она уже расстёгивала ремни. В её глазах был тот самый блеск, который он знал, — решимость, смешанная с азартом. Год назад, когда они только начали работать вместе, он принял её за безрассудство. Теперь понимал: это была храбрость. Простая и необдуманная.

— Тогда готовь дрон, — сказал он. — Сначала проверим проход.

Дрон ушёл в туннель и не вернулся.

Вайт следила за экраном, где сменялись кадры: сначала — тёмные стены с рунами, потом — расширение, потом — зал. Огромный. Светящийся. Дрон передавал данные ещё три секунды, потом сигнал оборвался.

— Потеряли, — сказала она. — Но вот что он успел снять.

На экране появился зал. Стены — из того же материала, что и пирамида, гладкие и тёмные. По периметру — колонны с кристаллами. В центре — пьедестал. На пьедестале — книга. Не бумажная. Кристаллическая. Такая же, как руны, но крупнее, с гранёной обложкой, покрытой символами.

— Книга, — сказал Крафт. — Настоящая.

— Настоящая книга в подводной пирамиде в Бермудском треугольнике, — Вайт покачала головой. — Если бы мне это рассказали, я бы не поверила.

— А теперь?

— Теперь я хочу её прочитать.

Крафт посмотрел на неё. Она смотрела на экран. Между ними была тишина, которая всегда возникала в такие моменты — когда решение уже принято, но ещё не произнесено.

— Идём вдвоём, — сказал он.

— Вдвоём, — согласилась она.

Проход был узким. Скафандры немного шире, и Крафт дважды задевал плечом стену. Руны на ней вспыхивали от каждого касания — как будто приветствовали. Вайт шла впереди, освещая путь фонарём, и её дыхание в шлеме было ровным. Он слышал его через общий канал связи. Это успокаивало.

Через сто метров туннель расширился. И они вышли в зал.

Он был больше, чем казался на записи дрона. Свод терялся в темноте. Колонны уходили вверх, к невидимому потолку. В каждой — кристаллы, светящиеся тем же голубым светом. Их были сотни. Тысячи. Они пульсировали в унисон, и зал дышал, как живой организм.

Вайт остановилась.

— Крафт, — её голос дрогнул. — Это не просто библиотека. Это... архив. Каждый кристалл — носитель. Здесь хранится всё.

— Всё?

— Всё, что Разум знал. Всё, что он видел. Всё, что он сделал.

Крафт подошёл к ближайшей колонне. На её грани проступали символы, медленно меняющиеся, как текст на экране. Он коснулся перчаткой — и символы замерли, а потом сложились в слова. На русском.

— „Протокол молитвы“, — прочитал он вслух.

— Автор — доктор Каспар Вейл. Дата — 4149 год.

— Четыре тысячи сто сорок девятый, — повторила Вайт.

— Через сто лет после Катастрофы.

— И за сто лет до нас, — сказал Крафт. Вайт посчитала в уме. Медленно, как считают, когда не доверяют голове.

— Он писал до того, как мы родились.

— Он писал для тех, кто придёт после него. Для нас.

— Откуда он знал, что мы придём?

— Не знал, — сказал Крафт. — Надеялся.

Он перевёл взгляд на пьедестал в центре зала. Кристаллическая книга лежала на нём, закрытая. Руны на её обложке двигались медленно, как облака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.